

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Кант: философский этюд¹

Kant: A Philosophical Study²

Профессор Е.А. Бобров
Professor E.A. Bobrov

Следующие ниже строки, само собою, разумеется, не имеют и малейшего притязания исчерпать всё то содержание, которого доселе не успели исчерпать написанные уже библиотеки Kantiana. Как и в первых этюдах, цель этого этюда – лишь толково изложить соответственные места первоисточников и предложить несколько критических замечаний. Сам Кант, как известно, признавал глубокое на него влияние Юма и отчасти Лейбница; но, к сожалению, до сих пор нет ещё специальных монографий, которые фактически выяснили бы меру влияния того и другого на Канта. Как мы видели уже выше, основателем критического направления в философии, в строгом смысле, нужно признать Декарта; первые же начатки критицизма, если угодно, можно видеть и у греков, у Платона, у Парменида, даже Гераклита. Ещё древнейшие греки искали знания, критически проверенного и учили не доверять познанию внешними

---

¹ (от ред.) Критический этюд о Канте профессора Варшавского Императорского университета Е. Боброва подготовлен к публикации Н.Х. Орловой по тексту: Профессор Е.А. Бобров. Кант // Философские этюды. I-IV. Варшава, 1911. С.51-60. Ниже публикуется биографический очерк о Е.А. Боброве.

² A critical study on Kant by Professor E. Bobrov of the Warsaw Imperial University has been prepared for publication by N.Kh. Orlova according to the text: Professor E.A. Bobrov. Kant // Philosophical studies. I-IV. Warsaw, 1911. p.51-60. A biographical essay about E.A. Bobrov is published below.

чувствами. Платонов диалог «Теэтет»³ даёт уже критику сенсуализма, то есть того философского направления в теории познания, которое строит познание мира на одних лишь показаниях внешних чувств. Дорогу для построения критического мировоззрения очистил Декарт своим полным и абсолютным сомнением не только относительно качеств внешних вещей, но и самого бытия внешнего мира. Он же создаёт и основу для построения нового критического мировоззрения, заложив его первый камень, в виде неподлежащего никакому сомнению факта непосредственного самосознания или сознания своего «я», которое, как мы выше усмотрели, является в метафизике индивидуальной субстанцией. Преемник Декарта по критической работе, Локк уже прямо формулировал задачу «Критики чистого разума», почти в тех же самых выражениях: задача философии, по его мнению, состоит в том, чтобы определить границы, объем, происхождение и достоверность нашего знания. Беркли понял призрачность материи. Лейбниц уже признал пространство и время только порядковыми формами вещей, а не реальными предметами. Юм попытался усомниться в существовании причинности и самого «я», как особого элемента сознания.

Итак, дорога к вопросу, которым занимался Кант, была подготовлена, и задача его не была абсолютно нова. Что же именно дал Кант? Теория познания, преимущественно, изложена Кантом в его «Критике чистого разума».⁴ Особенное значение в данном случае имеет в ней

---

³ (от ред.) «Теэтет» (греч. Θεαιτητος) — сократический диалог Платона, посвящённый природе знания. Написан приблизительно в 369 до н. э. В диалоге Сократ и Теэтет обсуждают три определения знания: знание как чувственное восприятие, знание как «правильное мнение» и, наконец, знание как «правильное мнение с объяснением». Каждое из этих определений оказывается неудовлетворительным.

⁴ (от ред.) Согласно каталогам РНБ, Кант в переводах на русском языке был доступен русскому читателю ещё при жизни философа. См.: Кант И. Кантово основание для метафизики нравов / С немецкого языка переведённое Яковом Рубаном. Николаев: в типографии Черноморского штурманского училища, 1803. Что касается «Критики

отдел трансцендентальной эстетики, т.е. учение о познании внешнего мира. Здесь Кант учит, что пространство и время не имеют существования вне познающего субъекта, а суть только априорные формы нашей интуиции. Этим определяется значение их в процессе познания. Кант различает два рода суждений: синтетические, которые расширяют человеческое знание, и аналитические, которые служат только для разъяснения понятий; «все тела протяжённы» - это аналитическое суждение, а: «все тела тяжелы» - синтетическое. Понятие тяжести ведь не заключается в понятии тела, а есть результат нашего опыта.

Главный вопрос, занимающий Канта, это вопрос, существуют ли априорные синтетические суждения, которые не проистекали бы из опыта, и как они возможны. Априорность и интуитивность пространства и времени делают возможным учение о синтетических априорных суждениях, каковы суждения математические. Пространство и время суть только представления, всегда находящиеся в нас; следовательно, пространство и время суть условия опыта. Без них опыт был бы невозможен. Критика Канта пользуется методом, который он называет трансцендентальным. Кант протестует против методов метафизического и психологического. Нужно ведь объяснить познание, а не ограничиваться одним лишь психологическим описанием его происхождения. Нужно основать новую науку о познании. Стремиться познать то, что лежит по ту сторону опыта и недоступно нашему познанию, - это было бы трансцендентное употребление разума, запрещаемое критической философией, позволяющей одно только трансцендентальное применение разума, при котором познание объясняется из условий, данных не эмпирическим путём.

чистого разума», то в каталогах РНБ самое первое издание на русском языке представлено 1867 годом. См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. [и предисл.] М. Владиславлева, доц. философии в С.-Петербур. ун-те. СПб.: тип. Н. Тиблена и комп., 1867.

Для понимания Канта нужно различать и помнить тройкое: 1) вещь в себе, Ding an sich,⁵ которая никогда не может быть познана, 2) явления, которые могут быть предметом нашего познания, 3) наши представления о явлениях, т.е. то, что фактически имеется в нашем эмпирическом сознании.

Таков в общих чертах исходный пункт Канта. Рассмотрим вкратце его систему и слегка очертим его так называемую «архитектонику». По Канту, все аналитические суждения априорны, а все эмпирические и апостериорные суждения синтетичны. Достоверность свойственна только априорным суждениям, апостериорные же имеют только субъективное значение. Поэтому то весь вопрос и заключается в том, возможны ли априорные синтетические суждения – и мы знаем, что такие суждения имеются в математике. На них же основано естествознание, как полагает Кант. Но они же – возможны в метафизике – и если возможны, то как? Сообразно с этим, и делится начало «Критики чистого разума» на 1) трансцендентальную эстетику, 2) трансцендентальную аналитику и 3) трансцендентальную диалектику с методологией. Аналитика же и диалектика с методологией вместе составляют собою логику, т.е. критику способности мышления.

Результаты Канта сводятся к следующему. Математика возможная потому, что имеются априорная интуиция; естествознание возможно потому, что существуют априорные понятия – категории и основоположения. Метафизика была возможна потому, что есть идеи – понятия разума, - (неправильно!) выводящие нас за пределы опыта, но она невозможна, как выясняет Кант, потому что категории применимы будто бы только в пределах опыта, а мыслимые в идеях предметы не даны

---

⁵ (от ред.) «Вещь в себе» (нем. Ding an sich); также «вещь сама по себе» (Ding an sich selbst) - одно из центральных понятий философии Канта. Термин имел достаточно широкое хождение и до Канта, в том числе в школе Х. фон Вольфа. См.: Ойзерман Т.И. Вещь в себе // Новая философская энциклопедия. М., 2010.

чувственно. Метафизика в смысле познания вещей в себе немыслима и допустима лишь, как метафизика природы (совокупности явлений), и как метафизика познания, т.е. критика разума.

Мы видим у Канта гносеологию двух родов очевидно-го знания, которое признаёт, во-первых: данные чувственных ощущений, и во-вторых: категории или формы, прилагаемые к чувственным данным. Такая гносеология, разумеется, известна была многим ещё до Канта, напр., Аристотелю. Как же прилагает сам Кант категории к чувственным ощущениям, и каковы же именно эти категории?

Ощущения размещаются в пространстве и времени и таким образом они становятся интуицией. Для того, чтобы произошёл из них опыт, необходимо ещё понятие. Познание возникает из соединения чувственности и рассудка. Чувственность может только воспринимать, рассудок же в состоянии только мыслить. Чувственность даёт разнообразие, которое нужно связать, а рассудок даёт единство, которое связывает. Разнообразие чувственных ощущений, приведённое в порядок формами пространства и времени, объединяется в единстве понятия. Чистые понятия или категории указаны Кантом в таблице форм суждений.

Суждения разделяются:

- 1) по количеству: на общие, частные, единичные.
- 2) по качеству: утвердительные, отрицательные, бесконечные
- 3) по отношению: категорические. гипотетические, разделительные.
- 4) по модальности: проблематические, ассерторические, аподиктические.

Этим двенадцати формам суждений соответствует столько же категорий:

- 1) единичное,
множество,
всеобщее.
- 2) действительное,
отрицание,
ограничение.
- 3) субстанция и инхеренция,
причинность и зависимость,
общность и взаимодействие.
- 4) возможность и невозможность,
бытие и небытие,
необходимость и случайность.

Только через эти категории возможен опыт с соблюдением форм мышления, т.е. только через них можно мыслить предметы. На этом основывается объективное знание понятий нашего рассудка. Деятельность рассудка есть соединение, и ничего нельзя себе представить соединённым в объекте, чего мы раньше не соединили рассудком. Всякое же соединение предполагает три понятия: 1) разнообразные элементы, 2) самое объединение их, 3) получившееся единство, которое бывает двояким: объективное единство предмета и субъективное единство сознания.

Самое соединение бывает трех родов: синтез собирания – аппрехензия,⁶ синтез воспроизведения – репродукция, синтез признания – рекогниция.⁷ При мышлении мы воспринимаем разнообразные представления, удерживаем прошлое, или воспроизводим его и так же сознаем, что мыслимое теперь, было некогда мыслимо нами раньше. Соединяющая деятельность рассудка обуславливается единством трансцендентальной апперцеп-

---

⁶ (от ред.) Гуссерль вводил «аппрехензию», которая является пониманием по аналогии с собой («он – это я там», вчувствование).

⁷ (от ред.) *recognitio* (лат.) – обозрение, узнавание, признание достоверности чего-либо, подтверждение этой достоверности.

ции, т.е. все представления, чтобы стать нашими, должны сопровождаться в нашем уме суждением: я мыслю.

Во внутреннем потоке сознания, по мнению Канта, нет никакого пребывающего «я» или субъекта, *Selbst*, и требующее единство неизменяемого сознания есть условие возможности опыта. Этому учению о «я» или самосознании Кант касается ещё в трансцендентальной диалектике, а именно в паралогизмах рациональной психологии, где он говорит, что «я», которое сопровождает и связывает все свои представления и составляет субъект всех своих суждений, есть предпосылка всякого знания и, - следовательно, само не может быть предметом познания. Кант протестует против того, чтобы на место логического субъекта подставлять реальную мыслящую субстанцию и видит в этом крупную ошибку рациональной психологии Вольфовой школы.⁸

Все выводы вольфовцев относительно души при такой постановке страдают, по Канту, *quaternion terminorum*⁹ и ошибочны. Ко внутренним явлениям необходимо присоединять мысль о единстве моего «я», но нельзя рассматривать *идею души*, как познаваемую вещь; чтобы приложить к душе категорию субстанции, полагает Кант, нужно было бы в интуиции (другими словами: во внешнем мире) отвести место постоянное, соответствующее ей, но ничего подобного в наших вос-

---

⁸ (от ред.) Вольфианство — философская школа, основателем которой был Христиан Вольф (1679-1754), родоначальник философского просвещения в Германии. До второй половины XVIII в. вольфианство было самой влиятельной философской школой в Германии. Вольфовская школа — группа немецких философов, сторонников рационалистической метафизики Хр. Вольфа. Среди них: Г.Б. Бильфингер (1693–1750), Л.Ф. Тюммиг (1697–1728), И.Хр. Готтшед (1700–1776), Ф.Хр. Баумейстер (1707–1762), М. Кнутцен (1713–1751), А.Г. Баумгартен (1714–1762), Г.Ф. Мейер (1718–1777), И.А. Эберхард (1738–1809). См.: В.А. Жучков. Вольфовская школа // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

⁹ *quaternion terminorum* (лат.) — учетверение терминов. Нарушение логического правила, согласно которому в силлогизме должно быть не больше и не меньше трёх терминов.

приятных найти нельзя. Итак, Кант хочет искать свою собственную душу во внешнем мире и, понятно, там её не находит; субстанция у него может быть применяема лишь ко внешним вещам – и кажется, в этом отношении он даже не подозревает всей величины фатальной своей ошибки.

Те изобретения Канта, которые особенно высоко ставятся ему в заслугу его последователями, – субъективность форм пространства и времени и деление суждений на аналитические и синтетические – были уже в основе своей известны гениальному Лейбницу.

Бесспорно принадлежит Канту его хитрая, замысловатая и причудливая «архитектоника».¹⁰ Но она страдает очевидным схоластицизмом и не имеет научного значения.

Существенным недостатком системы Канта является её крайняя шаткость, совершенная неустановленность его воззрений: даже по основным пунктам он вечно колебался – даже по таким вопросам, как проблема внешнего мира. Два, вышедшие при его жизни издания «Критики чистого разума» наглядно показывают, как мало отдавал себе Кант отчёт по этому главнейшему пункту критического мировоззрения: во втором издании он обрушивается с полемикой на Беркли,¹¹ опасаясь,

---

¹⁰ (от ред.) Кант разъясняет понятие архитектоники в третьей главе своей «Критики...»: «Под архитектоникой я разумею искусство построения системы. Так как обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т.е. из простого агрегата знаний превращается в систему, то архитектоника есть учение о научной стороне наших знаний вообще, и, следовательно, она необходимо входит в учение о методе». См.: Иммануил Кант. Глава III. Архитектоника чистого разума // Критика чистого разума.

¹¹ (от ред.) Об этом читаем, например, у Б.Э. Быховского (1901-1980): «Кантовское “Опровержение идеализма” во втором издании “Критики чистого разума” — это критика берклианского идеалистического монизма с дуалистической позиции. Для Канта идеализм Беркли — “догматический”, “мистический и мечтательный”. При всей своей непознаваемости вещи в себе, аффицирующие нашу чувственность, преграждают путь к феноменализму. Отвергая с помощью рационалистических доводов сенсуалистическую односторонность Беркли,

как бы и его самого, подобно Беркли, не сочли за «идеалиста», т.е. сомневающегося в наличии внешнего материального мира, хотя его читателю все-таки до самого конца остаётся неизвестным, почему мы обязаны верить в существование за пределами нашего сознания какой-то ещё материи...

Кант хотел в своей гносеологии дать синтез двух основных направлений этой науки – чисто эмпирического – с его источником познания, «опытом» (причём, не смотря на то, что был у него предшественником Локк со своим различием опыта внутреннего и внешнего, Кант впал в сенсуализм и под опытом вообще хотел разуметь один лишь опыт *внешний*) и – строгого греческого идеализма с его рациональным познанием, с его логическими категориями. Кант плохо знал историю философии, почти совсем не знал греков и упустил из виду Аристотеля, давным-давно с изумительной гениальностью и остроумием разрешившего эту задачу сочетания идеализма с безграничной эмпирией¹².

Кант в то же время сближается с высказываниями французских материалистов, когда пишет, что “нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас”. То, что у французских философов было следствием ограниченности, представляемой ими созерцательной формы материализма, для Канта является принципиальным выражением его агностицизма». См.: Быховский Б.Э. Критика берклианства справа и слева // Быховский Б.Э. Джордж Беркли. М., 1970. С.144-145.

¹² Об Аристотеле, как великом представителе эмпирии, см. нашу книжку «Логику Аристотеля». Со слов Милля и других у нас все ещё твердят, что де Аристотель представитель одной дедуктивной логики – и только! Совершенно упускают из вида, что Аристотель не только теоретический создатель удивительных теорий индукции – и особенно абстракций (где в противность своему учителю Платону Аристотель указывает, что общие идеи (роды) мы можем понять лишь через внешний мир и тем побудить их, от века лежащие в нашем разуме, – заставить нашу душу вспомнить их), но даже и то, что Аристотель и практически, в своей собственной научной деятельности был величайшим представителем эмпирии, изучения конкретных фактов и в области естествознания, и в истории, и в политике – даже в поэтике, риторике и психологии...

Внешний мир, наличие которого у якобы «критического» Канта признается неизвестно на каком основании, объявлен им за непознаваемый. Почему же? Кант утверждает, что ощущения, которые одни только и могли бы дать нам какое бы то ни было познание о внешнем мире, что-нибудь о нем поведать моему «я», - есть только моё субъективное состояние. Но и это предвосхитил у Канта Декарт, показав, что ощущения могут трактоваться только, как чисто психические величины, как изменения моего сознания, безотносительно к внешним вещам и безо всякого им соответствия или связи с ними.

Исходя из этой идеи, Кант и проводит различие между ноуменом и феноменом, между Ding an sich, непознаваемой в своей собственной сущности, какова она есть на самом деле, и между пустым, субъективным призраком Schein.

Проводя это различие эмпирического и сверхэмпирического, доступного опыту и недоступного для познания вообще, Кант не удержался на нём, а сделал ещё одну ошибку, удивительную и грандиозную.

Совершенно произвольно переносит Кант это различие из области внешнего мира и в мир внутренний, на мир сознания – и вот между эмпирическими данными одного и того же сознания возникает как бы некая искусственная перегородка, воздвигается какой-то непреодолимый забор. Внутри человеческой души образуется, по Канту, какое-то «вне» - область сознания, совсем недоступная для того же самого сознания, получается непознаваемость человеческой души. А как следствие этой недопустительной аналогии понятие бытия у Канта остаётся совершенно смутным и невыработанным.

Субстанция у Канта есть только внешняя вещь в себе; а то, что и моё «я» тоже есть субстанция, это для Канта остаётся непостижимым, об этом он даже и не догадывается. Единство самосознания, живое индивидуальное «я», непосредственный центральный пункт сознания, впервые обретенный Декартом, - этого то Кант не заметил! Кант даже не сумел различить две совсем разные

вещи – а именно: живое, эмпирическое моё «я» - с одной стороны, - а с другой – теоретическое понятие, абстрактную величину – *понятие* единства сознания, трансцендентальное единство апперцепции. «Я» живое и понятие «я» у Канта смешиваются.

Общая ошибка Канта в том, что он задумал отступить от исторического, прямого и простого пути, от той естественной трактовки психологических проблем, как она начата и продолжаема у Декарта, Лейбница и англичан. Кант явился жесточайшим противником психологического метода разработки гносеологических вопросов, хотя именно психология-то и была наиболее ценным приобретением новой, критической философии, - критической, начатой не Кантом, а ещё Декартом.

Неопределённость точки зрения Канта привела к тому, что критицизм, даже и в том извращённом виде, какой мы имеем у Канта, у ближайших же его преемников, Фихте, Шеллинга и Гегеля совсем утратился. Один лишь Шопенгауэр в первой, по крайней мере, половине своей системы воспринял критические моменты из мировоззрения Канта.

Другим непростительным грехом было, как мы уже сказали, игнорирование Кантом греческой философии, особенно Аристотеля, который в данном случае, при желании примирить идеализм с эмпиризмом, мог бы оказать драгоценные услуги. Кант не сознавал, что «Органон» Аристотеля был первой и более удачной, нежели Кантов опыт, - «Критикой чистого разума».